

Л. Г. ЖДАНОВ

Николай и Распутин¹

Когда переворот совершился и судьба Николая Последнего обозначилась окончательно, вместе с лавиной негодующих воплей и жгучих обвинений против бывшего повелителя России хлынул мутный поток скандальных, нередко циничных и омерзительных для нормального человека «разоблачений» в области самых затаенных переживаний бывшего царя, его жены и дочерей. Все это связано очень тесно с именем пресловутого «старца» Григория Распутина и не менее прославленной Анны Вырубовой...

Мне, как, полагаю, очень многим и многим, было отраднo отметить, что поднялись отдельные смелые, благородные возражения, зазвучали голоса, остерегающие от переигрывания на этой почти порнографической струне...

Я лично еще десять лет тому назад, после крушения революционных надежд 1905 года, все же верил в победу народную, в светлое торжество Свободы, и так рисовал этот великий миг в моей книге «На заре свободы» (1907):

Держали родину солдаты под пятой,
и процветали гинекеи.
Предатели творили «суд святой»,
а помогали им лакеи.
Лилась по царству кровь народная ключом,
и жертвы падали без счета.
Поддерживала трон расшатанный плечом
преторианцев наглых рота.

¹ Печатается по: Николай Последний. Пг.: Свободное издательство, 1917. Т. XXXI. С. 79–133.

Вставали чистые, отважные борцы,
 искали воли для народа.
Терновые, кровавые венцы
венчали их... И длилась невзгода!
Был голод и война... Мятеж и произвол
 всю Русь пожаром охватили...
Народ к победе смело шел,
 но духи зла не допустили.
Насилье, обнаглев, не ведало границ.
Безумие страстей прорвалось на арену.
Телами детскими кормили хищных птиц.
Честь девичья утратила всю цену.
Уж не бесчестили красавиц молодых,
 в казармах плетью дев хлестали.
Не лаской оскверняли их —
 терзали шпорами из стали!
Народ стонал от гнева... Но молчал...
Народ терпел, считал удары...
И вдруг — набат призывный зазвучал.
Настал расплаты час и кары!
Смывая пред собой, как моря грозный вал,
 помехи жалкие, народ стоит у власти.
Стяг царский он с глумлением сорвал
 и растрепал его на части!
Где знамя Лже-Романовых вилось,
 там веют вольные знамена.
И громкое «ура!» — как громы — пронеслось
 над щепками изломанного трона.
Но где же верные великие борцы
 за счастье общее и долю?
Где смелые вожди, движения творцы,
 кто кровью даровал нам волю?
«Схороним мертвецов с почетом. Славный прах
 пусть вечно в мире почивает.
Пусть юношей к свободе призывает —
 тиранам-извергам на страх!..»
Так пожелал народ освобожденный.
«Царя — не надо нам! Презрение ему!..
И царь, Судьбою побежденный,
 на отречении рукою утомленной
Чертит: “Быть по сему!..”»
Перезвон, и голоса, и клики
 поднялись от людных площадей

Прямо к небу. Нынче, знай: великий
и веселый праздник у людей.
Где ни взглянь, гудят толпы народа:
«Чудный день и незабвенный час!
В эти дни священная Свобода —
вся в крови — рождалась у нас.
И, омыта кровью той святою,
будет долго-долго жить она,
Навсегда оставя за собою
дикой тьмы, насилья времена!»
Вон как вызов, как живое пламя
на спокойной тверди голубой
Реет, плещет пурпурное знамя
над густой ликующей толпой!
Это знамя — символ полной власти.
Кровь народа красила его.
Позабыты прежние напасти
для мгновенья счастья одного!
Но не треплет на плечах порфиру,
победив, властительный народ.
Он ее показывает миру,
высоко над головой несет.
Реет в небе пурпур, как порфира,
власти знак, спасающий рабов!
А внизу, в сопровождена клира,
пронесли пурпурный ряд гробов...
В них бойцы навеки опочили.
Славным — мир и память навсегда!
На руках их принесли сюда
и в родную землю опустили...
В этот миг, как пламя, мысль одна
у толпы взволнованной мелькнула:
— Мы — свободны! Вольная страна
счастья дни навек себе вернула!
Он настал, давно желанный час.
Произвола призрак не восстанет.
И никто с престола больше нас
«изволением Божьим» не обманет!..

И в той же книжке есть у меня такие строфы:

...Настанет день... Народный суд придет!
В оковы всех гонителей свободы
Он закует и к петле приведет
Иль заточит на месяцы и годы.

Прольется кровь убийц и палачей.
На них никто с участием не глянет.
И голос дружеский ничей
Пощады им просить не станет.
Нет! Только Месть сухой суровый взгляд
Им кинет в час позорной казни
И в сердце, полное боязни,
Вольет свой тонкий, жгучий яд...
Придут толпы детей и матерей...
Сбегутся все, кого осиротили
Те палачи рукой своей,
И с хохотом их повлекут к могиле!
А у могил, увидя на крестах
Позорный ряд имен непозабитых,
Народ с проклятьем на устах
Гнев изольет на тех могильных плитах.
Заплачут дети... Стоны матерей
В один протяжный вопль сольются:
— Прочь из могил прах палачей скорей!
В покое пусть не остаются...
Для них места — не в храме, под крестом...
Нет места им во всем обширном мире!
Сожжем тела предателей... Потом
Пусть ветром прах развеет шире, шире!
И кинутся... Ногтями станут рыть...
Покроются горячей кровью руки.
Все будут рыть, чтоб горе позабыть,
Чтоб душу облегчить от муки!
Но вступится ликующий народ.
Над мертвыми не даст свершиться мести...
Живых он только поведет
Врагов — на суд и на позор — всех вместе!

Стоит сопоставить основную мысль обоих стихотворений, и станет ясно, как я смотрю на вопрос.

Если взволнованная душа моя провидела взрывы негодования и проявления «загробной мести» к врагам народа, вплоть до сожжения праха и развеянья пепла по ветру, как это сделано было с останками «старца»-распутника, то, с другой стороны, я знал и верил, что победивший народ русский, славянский, один из лучших и благороднейших народов мира, не пожелает унижать своей юной самодержавной власти, не унижится до того, чтобы раскапывать всю грязь романовского самодержавия, обращенного в игрушку всяких проходимцев по воле «полковника» Николая...

И потому я, не опасаясь упрека в желании играть на низменных струнах толпы, коснусь в дальнейшем той роли, какую играл Распутин при Николае Последнем, укажу на то место, какое занял этот «чудодейный» *стойкий* хлыст у трона и в алькове жалкого царя.

Обойти этого невозможно, как бы строго ни ограничивать задачи историка, желающего вполне беспристрастно рисовать события такого мирового значения и важности, как Великая революция в России 1917 года.

Раздавались голоса: «Альков, семья, даже Романовых, — это запретная область для вторжения посторонней руки! Их верования и личные, сердечные, или даже — чувственные, переживания, половые странности и неестественные проявления не нужны никому. Не стоит толковать о грязи, способной только будить низменные стремления в грубой толпе...»

Так ли это?

Является вопрос: чем занимается вся мировая литература, не исключая Библии, насквозь чувственной и телесной?

От Соломона и Эврипида, через Шекспира, Данте до Пушкина, Байрона и других светочей мысли человеческой — чем наполняли они свои лучшие произведения?

Только не одним описанием «чистого, блаженного состояния» душ человеческих...

И даже св. Августин, Иероним и другие мечтатели, рисующие светлые картины «райского, безгрешного бытия», не могли обойтись без упоминания о темных, грешных сторонах духовной и телесной жизни. И в этих своих невольных описаниях проявляли более яркую выразительность, силу и мощь, чем в отвлеченных небесных жизнеописаниях.

Жизнь человечества идет от тьмы к свету. Это старая истина. И только пронизав тьму светом сознания, можно ускорить и облегчить долгий путь человечества к совершенству, путь, по которому оно бредет, изнемогая от усталости, орошая пыль кровью своих израненных ног...

И если важно знать темные стороны жизни каждого заурядного обывателя, то тем важнее знать: что творят в тиши ночной и в глубине своих дворцов владыки людей, от каждого переживания которых зависят десятки и сотни человеческих существований?..

Если во дни власти Николая Последнего только шепотком можно было говорить о странностях и гнусностях, какие творились им самим и окружающими царя проходимцами, то теперь вслух хочется сказать о том, как жил и под какими влияниями находился последний Романов. И прежде всего, конечно, просится на уста имя Григория Распутина.

Это имя заслоняет собою все остальное... За ним почти тонет в тени одно явление, общее не только семье Романовых, но и всем царствен-

ным династиям: склонность к суеверию, к фетишизму духовному и половому.

Прежде всего коснусь суеверия, каким пропитана наша русская и всякая другая знать, особенно из числа коронованных особ. Если Англия наших дней не знает Макбета и ведьм, если республиканская Франция не зовет Деву из Орлеана, чтобы спасти страну, то прорицаниям мадам де Тэб внимают и современные представители «неверующего» Парижа, и сливки лондонского общества...

В России все это грубее и проще, как грубее и проще народная наша жизнь по сравнению с утонченными приемами Запада.

Дед Николая Последнего ездил по гадалкам, терпел давление Победоносцева, который своим именем как бы «нес победу» царю России... Отец Николая, тоже не чуждый суеверия, не так расплывался в этой области, потому что тянулся к алкоголю... Благодаря такому пристрастию вызвал у своего наследника, Николая, еще большие признаки вырождения, граничащего порою со слабоумием...

Много лет назад, когда на горизонте только появился другой «чудотворец», успевший вовремя сойти со сцены, отец Иоанн Кронштадтский, Николай сразу подчинился влиянию умного святоши, и ничего не делалось в семье Романовых без благословения со стороны отца Иоанна.

Отец Иоанн лучше других мог развеять недоверие, свойственное Николаю и проявлявшееся особенно сильно после 1905 года.

Еще в первые годы царствования он выказывал недоверие даже самым близким окружающим его лицам... и только «свыше» ждал помощи и просветления...

Перед рождением долгожданного сына Николай вызывал из-за границы в Россию многих внушителей и духовидцев-спиритов вроде Филиппа, Папюса и других...

Первой ласточкой в 1900 году явился на горизонте дворцовом иезуит, патер Филипп, своими спиритическими сеансами сразу завоевавший доверие, подчинивший себе душу слабовольного, хотя и вечно настороженного Николая.

Тонкий сердцевед, иезуит, быстро разобравшись в личности российского самодержца, оценив духовное и умственное состояние придворной своры лизоблюдов, окружающих господина, стал действовать решительным натиском, стремясь выполнить поручение, данное ему Романовым.

На спиритических сеансах медиум-патер не только утешал царя-отца, что скоро ему будет дарован сын и наследник трона... Что настал конец той «серии дочерей», какими его дарила супруга,

гессенская принцесса. Хитрый патер ловко сводил речь на вопросы веры. Указывал истинные пути для спасения души царя и царства... и все эти пути сходились в Риме!.. Туда звал на поклон иезуит «схизматика» — русского царя... Рисовал ему картины, где Николай, как Владимир Святой, являлся апостолом новой, истинной веры — римско-католической... И весь народ, ликуя, идет за державным пастырем прямо в исповедальни к иезуитам-попам.

Немецкой своре приближенных Алисы Гессенской и Николая, протестантов по преимуществу, не понравилась такая игра... Иезуит показался опасным... И в один день дворцовый комендант фон Гессе явился к царю с письмами в руках...

— Что у нас нового, генерал? Что это за письма? — живо осведомился царь, любивший проникать в тайны окружающих его людей при помощи «черного кабинета». — Дворцовые интрижки? Или — политическое что-нибудь?

— Вот, извольте сами взглянуть, ваше величество! — коротко ответил осторожный немец.

Николай стал читать и убедился, что он все время был игрушкой в руках иезуита.

Филипп, осторожный вначале, потом перестал остерегаться и в своей переписке, которую вел с Римом, прямо давал знать папе, что «работа» идет успешно... Что ему, патеру, удалось обморочить всех... И с помощью Божией католичество возьмет верх над другими толками в этой дикой, грубой Московии.

Конечно, Филипп после этих разоблачений быстро скрылся с горизонта. А немка-царица родила еще одну дочку... Плохо действовал, видно, чудодей-патер!

Года через два место Филиппа занял другой проходимец, гипнотизер и медиум мосье Папюс.

Творческую, чудесную силу этого нового чудодея испытала сперва на себе одна из великих княгинь и представила его бывшей царице, гарантируя, что этот человек поможет и у Алисы явится наконец сын...

Так и случилось...

Алиса Гессенская готовилась стать матерью... Пришли последние минуты.

И Николай, не доверяя никому, сам, в полной походной форме, стал на страже у дверей покоя больной жены, опасаясь, что кто-нибудь из близких может покуситься на жизнь будущего новорожденного наследника трона...

Слабовольному и растерянному Николаю жена и другие внушили, что мать родная во что бы то ни стало желает видеть на троне не его,

а Михаила... Что уже готовы шифры с вензелем нового императора для восставших офицеров гвардии... Что все родичи только и думают, как свергнуть с престола его, Николая... И не допустят к царствованию его сына... Убьют ребенка в колыбели...

В таком кошмаре внушений, толков и слухов жил Николай, неуравновешенный от природы. Под влиянием этих нашептываний он дошел до такого смешного поступка, как личное стояние на карауле у двери спальни больной рожавшей жены...

Немудрено, что его окружение постоянно отмечало особенно яркую черту личности царя: он не верил никому и никогда, был страшно подозрителен ко всем окружающим...

— Я никому не верю! — твердил Николай. — Все готовы обмануть меня... Хотят только урвать себе побольше... Вокруг меня — лжецы и лукавцы.

И тем страннее видеть, как легко он поддавался влиянию сильных духом, умных или пронырливых людей, во главе которых стояла его жена Алиса Гессенская вместе «простым сибирским мужичком» Григорием Распутиным.

Когда последний взял уже слишком большую силу при дворе, ему на помощь являлись многие добровольцы, спириты и медиумы вроде сенатора Добровольского, ставшего министром юстиции, и просто прохвосты вроде министров Маклакова, Сухомлинова, Протопопова и других.

Вот что передает очевидец о «сеансе» во дворце, где медиумом служил Добровольский:

«Вместе с царицей и старшими дочерьми сенатор Добровольский, А. Вырубова и еще два-три лица уселись вокруг столика. Столик завертелся, застучал, и начались загадочные явления... В комнате не было ни одной фиолетовой лампочки, а между тем в темноте вдруг стали вспыхивать фиолетовые огоньки... Ширмы прыгали, даже летали по воздуху. Медиум Добровольский бился в экстазе и вещал, что Распутин один может спасти Россию...»

Этот же медиум-сенатор, потом министр, не стеснялся публично целовать грязную руку «старца-усладителя» царицы, который ввел проныру во дворец и сделал министром...

Вся картина, описанная выше, напоминает сцену из «Плодов просвещения» или то место бессмертной комедии Островского, где «старица» Манефа пророчит о появлении прохвоста Глумова... Иная обстановка, но люди — везде одни и те же.

Иные карьеристы, вроде Трепова, Хвостова, отчасти из брезгливости, отчасти из зависти, либо играя на руку другим членам романов-

ской фамилии, старались свалить «старца»... Но за это доброе дело брались они грязными руками, и потому «царь лжи и грязи», «святой» романовской династии старец Григорий оставался непоколебим на своем посту хранителя и дарителя сил и благ всему царскому дому.

А что именно таким «носителем и раздатчиком милостей и благ земных и небесных» считали Распутина Николай и его Алиса — в этом сомнения быть не может.

С этого дело началось... Распутин пророчил о появлении сына-наследника... И сын родился...

Только после переворота мы узнали, что еще во дни открытия мощей Серафима Саровского царственная чета не сочла для себя унижительным явиться к местной «прозорливице», юродивой старухе Пашке Саровской, чтобы «погадать» о своей царственной судьбе.

Вот как описывает журналист-очевидец И. Владимиров это знаменательное посещение:

«В половине июля 1903 года бывший царь со всей семьей и многочисленной свитой собрался ехать в Саровский монастырь на прославление мощей преподобного Серафима Саровского.

Царь пожелал придать этой поездке широконародный характер, и поэтому всем издававшимся тогда газетам было не только разрешено, но даже предложено послать в Саров своих корреспондентов и художников.

После самых тщательных проверок и опросов дворцовой охраной, устранившей добрую половину корреспондентов, оставшиеся газетные деятели и 2 художника получили, наконец, особые “разрешения-карточки”, припечатанные печатями “охранки”, и поехали в Саров.

Но там их встретил новый сюрприз: пронесшийся слух, что будто бы “студенты-толстовцы и евреи” готовятся “оскорбить мощи преподобного Серафима”, поднял на ноги всех темных представителей “охранки”, весело гулявших в монастыре со своими “родственницами”.

С помощью жандармерии несколько раз учинялись ночные поквартирные обыски и допросы корреспондентов и всей приезжей интеллигентной молодежи.

Десятки ни в чем не повинных лиц были арестованы и экстренно высланы под конвоем в Нижний Новгород.

Наконец расходившаяся охранка и жандармерия, проявив демонстративно всю свою “охранную” деятельность, угомонились, а уцелевшие представители газет и художники получили полную свободу и беспрепятственный доступ ко всем царским выходам.

В Сарове Паша-юродивая пользовалась в то время особенной популярностью.

Монашествующая братия, богомольцы и окрестное крестьянство видели в ней прозорливую праведницу, обладающую даром ясновидения.

Паша была типичная великорусская крестьянская баба, лет за 50, крепкая, загорелая, с глубоко сидящими пронизательными глазами на широком, скуластом лице, обрамленном пышными, красиво вьющимися, бело-серебристыми волосами, выбивающимися из-под ярко-красного платка. По целым дням она сидела на крыльце своей покосившейся хаты, на окраине монастыря, свертывала и сшивала из цветных и белых тряпок незатейливые куколки, которыми обыкновенно играют крестьянские дети.

Паломники, странники и богомолки, посещавшие Саров, считали своим долгом заглянуть к прозорливой Паше-юродивой, послушать, что она скажет той куколке, которую потом даст посетительнице.

Бывший царь, узнав от игумена о славе Паши-юродивой, решил побывать у “пророчицы” со своей семьей.

...После посещения святого источника Серафима Саровского государь с обеими государынями и дочерьми в исходе шестого часа вечера проследовал к хате Паши-юродивой.

Мария Федоровна и дочери остались с лицами свиты на дворе, а государь с Александрой Федоровной в сопровождении Н. А. Оприца и жандармского офицера вошел в хату Паши Саровской.

Мы (я и два корреспондента) встали у одного из открытых окон хаты и не только слышали каждое слово, но даже видели всю сцену.

Паша встретила бывших царя и царицу просто: без излишних поклонов и почитаний.

— Спасибо, царь, спасибо, что меня, старуху, навестил, — ответила она на приветствие царя.

— Расскажи-ка нам, Паша, что-нибудь про будущее... Погадай нам, что случится у нас? — обратился к ней государь.

— Скаши, скаши нам правду, — повторила ломаным русским языком царица.

— Помилуйте, батюшка царь и матушка царица, я не смею вам ничего говорить... Я вот куколке скажу все, что мне хочется сказать... — С этими словами Паша взяла синюю куколку вершка в два величиной и, обращаясь к ней, проговорила: — Цари-то живут без нужды, да счастья не видят, а вот царица сама себе счастье... Да надо Богу молиться... Ведь грехи-то кругом... Кругом грехи!

С этими словами она подала царице синюю куколку. Та взяла ее с брезгливостью и сейчас же передала жандармскому офицеру.

Паша, взяв красную кумачовую куколку и обращаясь к ней, проговорила:

— Ах ты, моя алая, кровавая куколка... Что маков цвет... Бойся ты весенней воды, она ведь затопляет и хату мужика, и царские хоромы... Затопит тебя, вымочит тебя.

подавая куколку государю, она добавила:

— Вот, скучно будет — поиграй, только не мочи ее, а то руки все в красном будут. Потом дашь куколку сыну...

— У нас сына нет, — прервал ее государь.

— Ну, скоро будет, хороший будет, жить будет, лишь царевать не будет...

Государь, пораженный этим ответом, резко повернулся и, взяв царицу под руку, быстро вышел из хаты».

Конечно, всю ответственность за значение и точность предсказаний юродивой старухи следует оставить на памяти и на совести г. Владимирова. Если допустить, что захолустная пророчица может предсказывать так верно события в царской семье и целом царстве, то еще легче допустить, что старухе могли внушить кое-что, идущее в лад с чаяниями некоторых придворных чудодеев...

Наконец, г. Владимиров неясный смысл простых бормотаний Паши через много лет мог слить с яркими, повелительными картинами исторических событий, вчера лишь пронесшихся у нас над головой.

Но одно несомненно: вся царская семья пошла «погадать» к деревенской кликуше, к новой волшебнице, если не из Аэндора, то из Сарова... И этот факт сам по себе значительнее всяких легенд...

Если в Саров Николай Последний поехал открывать полуистлевшие мощи Серафима, чтобы «поднять веру в народе», поднять свой падающий царский престиж, проявить свое желание слиться с народом в его чаяньях, в его вере, то в избушку вещуньи Паши повелителя Российской империи загнало личное любопытство, общее с каждым заурядным обывателем желание: узнать свою судьбу...

Никому ни во что не верящий Николай, как все слабодушные люди, в то же время жадно искал знамения, искал, во что бы и кому бы он мог поверить.

Именно на этой почве расцвело влияние распутного и продажного полуграмотного «старца» Распутина.

Дело началось с бывшей царицы Алисы.

По словам психиатров-врачей, лечивших Алису в 1905 году и позднее — от припадков острого психоза отчасти на почве ужасов, пережитых во время первой революции, отчасти на почве половой ненормальности, обычной у членов Гессенской фамилии, большой душевно и телесно, — царица к своему «критическому» сорокалетнему возрасту стала страдать от повышенной страстности,

не находящей исхода в супружеских ласках слабого, усталого душою и телом Николая.

Подчиняясь во многом властной, сильной по характеру жене, Николай физически почувствовал к ней полное охлаждение, особенно когда свершилась его заветная мечта и явился на свет сын, наследник трона...

Если другие женщины еще будили пыл страсти в молчаливом, вечно затаенном царе, на собственную жену он смотрел только глазами брата... да и то — младшего, покорного и почтительного, как это особенно подчеркнул в своем письме великий князь Николай Михайлович.

Совсем не то нужно было царице.

И вот скандальная хроника царских дворцов пополняется все новыми и новыми страницами...

Облетел страну рассказ о том, как гвардейский офицер, стоящий на ночном карауле во внутренних покоях дворца, вдруг покинул свой пост, ушел домой... И утром на вопрос начальства объявил:

— Я имел несчастье видеть этой ночью, как один из флигель-адъютантов, Орлов, прошел в комнату, куда может проходить только сам император... В спальню царицы... И я долго напрасно прождал, чтобы поздний посетитель вышел оттуда... Тогда, решив, что неприлично мне, офицеру русской гвардии, охранять покои немецкой Мессалины, я ушел!..

Офицера объявили ненормальным. Его убрали...

Но случайные друзья у Алисы не переводились... и после смерти Орлова, известного «усмирителя» Курляндии...

Царственный супруг, конечно осведомленный об этом, был снисходителен и терпелив, зная, что он не вправе требовать от жены верности, если сам не может быть ей верным и нежным супругом...

Истерия у Алисы развивалась все больше... Дочери росли, и «друзей» надо было держать подле себя под какими-нибудь более благовидными предложениями...

...Прокатилась гроза 1905 года. Между династией и народом открылась зияющая пропасть, худо заполненная манифестом 17 октября, скорее — оттененная этим лживым обещанием, лукаво данным и плохо выполненным.

И когда среди великосветских самок в салонах великих княгинь воссияла новая знаменитость из народа — сибирский простой мужичок, «старец» тридцати пяти лет, «сухой и стойкий» Гришка Распутин, великолепно умеющий оправдывать свою кличку, — сама судьба указала, что лучшее место такому «чудодею»-хлысту в покоях больной, жадной до радостей жизни Алисы...

Ближайшая подруга ее, Анна Вырубова, подобно Нелидовой умевшая совместить в своей особе фаворитку мужа и доверенную наперсницу жены, — эта женщина, гибкая и чувственная, как ее все знают, сперва сама испытала на себе силу «чар» старца... И потом хитро сумела ввести его в покои Алисы.

Вот как люди, близкие к придворным кругам, считающие своим долгом все знать и слышать, описывают появление на столичном горизонте «старца»-хлыста.

Истеричка-жена инженера Лохтина, известная своим фанатизмом, явилась одной из первых и самых преданных последовательниц и беззаветных поклонниц молодого «старца» и его тайных чар...

Из-за него порвала она все прежние многолетние семейные связи и всеми силами старалась создать прочное, влиятельное положение Распутину, хотя и знала, какую печальной славой на родине, в Сибири, покрыл себя этот бывший конокрад, испытавший на собственной спине удары мужицкого кнута как изобличенный вор...

При помощи связей и денежных пожертвований ввела эта дама сомнительного чудодея в круг высшего духовенства столицы. Вскоре духовник Николая и царицы епископ Феофан, ректор Духовной академии, монах, известный своей строгой жизнью, подпал под влияние хитрого сибиряка...

Сближению этому усиленно помогала Анна Вырубова, быстро оттеснившая от «старца» Лохтину и в своем обожании перешедшая всякие границы.

Под напором этих сложных влияний Феофан представил Григория Распутина царю и Алисе как «старца-прозорливца», обладающего особой, дивной силой провидения и способного воздействовать на души и тела людские...

Немке-царице Вырубова и другие заинтересованные лица внушили, что для популярности государя в стране самым лучшим средством служит такое приближение к трону «человека из народа», голос которого, безыскусственный и простой, будет отражать народные настроения... А с другой стороны, народные массы, несомненно, тронет внимание, какое оказывает царская семья простецу-мужику из народа...

Николай и раньше был склонен к подобным опытам... Не решаясь идти в толпу на манер Гарун аль-Рашида, он порою разыскивал «народных представителей» вне думских стен... И от них старался узнать «всю правду о России».

Кто не помнит приключений мелкого чиновничка Клопова, который случайно получил возможность беседовать с Николаем и потом послан

был царем по России как его доверенное лицо узнавать всю правду, помогать раскрытию злоупотреблений...

Облеченный высочайшим доверием, с охранным листом, подписанным Николаем, этот маньяк Клопов, поколесив по России, печально кончил свою миссию...

Но Николая такой неудачный опыт не излечил от любви к приключениям в «истинно народном» духе...

И появление Распутина во дворце казалось весьма кстати в эти тревожные, темные дни, особенно после событий 1905 года...

Хитрый «старец» сначала занялся прорицаниями и, когда родился наследник, преимущественное внимание уделял этой надежде трона.

В шайке явных и тайных «распутинцев», имевших в виду погреть руки у трона при помощи «старца», которого они же отыскивали и поставили на «место», особенно значительную, хотя и закулисную роль играл тибетский врач Бадмаев...

Знакомство с древними рецептами восточной медицины давало Бадмаеву возможность стряпать напитки бодрящие и целебные, вроде настойки из корней женьшеня или из пантов оленей, после приема которых самые слабосильные, изношенные мужчины получали охоту «жить», могли проявить страсть и пылкость, как в годы юности...

Николай нередко прибегал к напиткам этого современного Калиостро. Но последний умел готовить и другого рода напитки...

Несколько капель, незаметно подмешанных в питье или еду ребенку, могли вызывать признаки разных недугов... Тогда являлся чудесный «старец» Григорий и, возлагая руки, творил молитву, давал ребенку выпить «своего снадобья» — и тот сразу оживлялся, нездоровье как рукой снимало...

Мало того. Мальчик по наследству от матери получил тяжелый роковой недуг: склонность к кровонесвертыванию, какую страдает большинство представителей Гессенского дома, отмеченных печатью вырождения...

Получив от Бадмаева особые составы, Распутин неизменно являлся на помощь мальчику, как только у того начиналось опасное кровоизлияние... Снова творилась молитва, применялись «тайные средства» тибетского знахаря. Кровь переставала течь, и значение Распутина в царской семье росло не по дням, а по часам...

Но всего этого показалось недостаточно хитрому «старцу». Он сумел внушить и своей рабыне, Вырубовой, что надо еще кое-что для полной победы...

— Вот, сама знаешь, царица еще баба в соку! — грубо пояснял «Анке» своей лукавый сибиряк. — Добро, что она не очень заживается с дружка-

ми... А гляди — угодит ей кто-никто... И нас с тобой выпрет такой удачник. Видно, нужно мне на искус пойти. Нужно грех с нею принять, чтобы свою и ейную душу спасти. Ты, гляди, подстрой это получше... Да не хмурься, не ревнуй, глупая! Я не ревную, что ты с царем... Общее дело!

С болью в сердце, но пришлось Вырубовой исполнить волю Распутина...

И вот как описывают «люди всезнающие» сцену этого решительного момента, когда хлыст Распутин окончательно овладел душой и волей культурной западной принцессы, по воле случая занявшей трон Российской империи.

Однажды, отправляясь на обычный музыкальный вечер во дворец, Вырубова взяла с собой «старца».

Сидя в небольшой приемной рядом с покоем, где обычно музицировали Алиса и ее подруга Вырубова, Распутин должен был ждать, когда часы начнут бить полночь...

И в этот миг камер-лакей должен был впустить Григория в покой, где находились обе подруги.

Вот и полночь близко... Вырубова предложила Алисе сыграть в четыре руки «Лунную сонату», от которой истеричная царица всегда приходила в особенное возбуждение, в полный экстаз...

Мерно зазвучали удары часов на камине... Бьет полночь...

На пороге покоя, слабо освещенного электричеством, появилась рослая фигура «старца» в неизменной косоворотке...

Вырубова, слышав шорох его осторожных шагов, обратилась к Алисе, сидящей у рояля спиной к дверям, в состоянии полубоморока.

— Скажи, Сана, не чувствуешь ли ты, что с тобой сейчас происходит нечто особенное? — задала она вопрос, слегка поворачивая голову к дверям.

— Да, что-то есть! — начала царица, тоже невольно оборачиваясь назад.

И вдруг, вскочив, закричала:

— Дух... дух... Злой дух... там... Призрак!..

Напуганная, потрясенная, она забилась в истерике, упав на диван.

Оттолкнув Вырубову, желавшую помочь подруге, Распутин смело приблизился к рыдающей императрице, стал бесцеремонно гладить ее по голове, по лицу, проводить руками по груди особенным образом, как делал это со всеми другими женщинами... Стараясь взглядом внушить покорность ошеломленной царице, он вкрадчива и властно повторял:

— Успокойся... Христос с тобою... Не дух я... Слуга Божий... Твой раб и заступник... перед людьми и перед Богом!.. Успокойся...

Затем негромко, повелительно кинул Вырубовой:

— Подь-ка, Анна... поищи, нет ли капелек тамо каких для болезной матушки царицы... Да... шtbody кто не заглянул сюды без зову... Слышишь!.. Ступай! — почти грозно закончил он.

Безвольная под влиянием «старца», вся съезжившаяся, вышла из покоя Вырубова... и вернулась лишь долгое время спустя, когда услышала довольный громкий призыв Саны, которую вполне сумел успокоить хлыст-чудодей...

После этой сцены Распутин часто подолгу проводил время наедине с Саной... И сам стал называть ее так же, как звала императрицу ее подруга Вырубова...

С этих дней власть сибирского колдуна-пройдохи стала неограниченной во дворце, а значит, и во всем царстве.

Когда Николаю стало известно обо всем, он не проронил ни звука, очевидно полагая, что Распутин — не хуже других друзей, имевших раньше влияние на Алису Гессенскую.

И только однажды, когда кто-то из близких людей старался убедить Николая, что поведение Алисы ведет к гибели династию, царь ответил:

— Пускай себе там думают и болтают, что хотят! Я привык к разным проискам и неприятностям... Мне это безразлично. Я теперь ко всему стал равнодушен! А относительно Аликс — особенно много лживых толков. Она только сестра милосердия и в политику не мешается. Это чудная, добрая женщина и чистая, безупречная жена... Я это знаю!.. И больше знать ничего не хочу...

А между тем в это же самое время Распутин получал от царственной подруги нежные записки, которые заканчивались словами: «Целую твои ноги. Вся твоя Сана...» И, как настойчиво говорили, эта утонченная принцесса действительно способна была лобзать ноги «старцу»-хлысту, только не с тем чистым настроением, как делала это Мария, умащая миром и отирая своими волосами ноги Учителю из Назарета...

Так говорят люди, «всё знающие», обладающие способностью слышать шепот в альковах дворца, видеть самое тайное, что делается за тихими высокими стенами...

Но вот свидетельство лиц, заслуживающих особенного доверия в данном вопросе.

Припомним, что писал царю Николай Михайлович в своем действительно историческом, знаменательном письме.

«Пока производимый Тобою выбор министров при том же сотрудничестве Алисы и Распутина был известен только ограниченному кругу людей, дела могли еще идти. Но раз способ стал известен всем и каждому, обо всех этих методах распространилась весть во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немисливо». И далее:

«Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из Ее уст, есть результат ловких подтасовок, а не действительной правды.

Если Ты не властен отстранить от Нее эти влияния, то по крайней мере огради себя от постоянных, систематических вмешательств и нашептываний через любимую Тобою Супругу...

Если Твои убеждения не действуют, постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой!. Я долго колебался открыть Тебе истину, но Твоя матушка и обе сестры убедили меня это сделать... Поверь, если я так напирал на Твое освобождение из создавшихся оков, то делаю это не из личных побуждений...»

Как помогали царю добрые советы — особенно ярко видно из дальнейшего.

Вот что в беседе с журналистами высказал другой близкий родственник Николая, великий князь Кирилл Владимирович:

«Мой дворник и я — мы видели одинаково, что со старым правительством Россия потеряет все и в тылу, и на фронте! Не желала этого видеть только царская семья. Ропот недовольства долетал, несомненно, до Царского Села, но там не хотели прислушиваться к нему. Говорить царю о тяжелом положении родины было бесполезно. Плотной стеной стояли вокруг него ставленники пройдохи Распутина: Питирим, Штюмер, Щегловитов и, наконец, Протопопов...

А во главе их всех находилась Александра Федоровна, которая правила Россией за спиной мужа... но служба, в свою очередь, куклой, игрушкой в руках Распутина, подкупленного немецкой кликой предателей и шпионов...

Осенью 1916 года, ценя личные качества, ум, знания и широкую популярность адмирала И. Григоровича, Николай поручил ему составить список Совета министров, в котором сам Григорович должен был занять пост председателя...

Адмирал повез в Ставку, в Могилев, список, куда вошли и некоторые министры, теперь правящие обновленной страной: князь Львов, Гучков. Затем шли: Самарин, Покровский, Кривошеин...

В то же время жену мою, Викторину Федоровну, убедили поехать потолковать с бывшей царицей, от которой, как мы знали, зависит решение слабовольного царя.

Едва царица услышала имена, приведенные выше, она не дала докончить моей супруге и раздражительно заявила:

— Это все враги династии! Мне старец Григорий велел остерегаться их... А он — святой человек и знает многое, что скрыто от наших глаз!.. Вы говорите, что против нас собирается гроза... Я не боюсь.

Мы знаем, кто против нас: кучка аристократов, умеющих только проигрывать в бридж... Я 22 года сижу на троне, объехала почти всю Россию... Знаю, что народ любит мужа и всю нашу семью... Все пойдет, как было... А для бунтовщиков есть пулеметы и казематы Петропавловки... Кельи Шлиссельбурга.

Жена моя ни слова больше не сказала и простилась с этой самонадеянной царицей...

Александра Федоровна немедленно кинулась в Ставку и там постаралась “провалить” список Григоровича... Генерал Алексеев всегда может это подтвердить... Он тоже по достоинству ценил и терпеть не мог Алису...

Второй пример... Свершилось убийство Григория Распутина... Этого мужика, который всегда и везде ронял достоинство не только семьи бывшего императора, но и всех нас... Открыто заявлявший, что он “сковырнул” даже такую шишку, как великий князь Николай Николаевич...

С пьяных глаз Распутин распускал такие слухи о царе и его супруге, что мы приходили в ужас... И, видя такое ужасное зло, все мы не раз задавались вопросом: не служит ли сама императрица тайной пособницей и союзницей Вильгельма?..

Мы старались гнать от себя такую страшную мысль...

Но Распутин, несомненно, был закуплен немцами, сообщал им все, что здесь происходило, и подчинял своей воле царицу...

Недаром же в Германии великолепно были осведомлены обо всем, включая даже предположения и планы действия царствовавшей семьи...

За последнее время говорили, что Николая спаивают его близкие, жена и другие... Возможно, что это было и так... Но во время одного разговора с царем я услышал от него такую фразу:

— С начала войны я бросил пить...»

Во всех этих «откровенностях» бывшего великого князя много недосказанного. Но и то, что бьет в глаза, слишком сильно говорит о влиянии жены на царя и о влиянии Распутина на царицу...

Это пагубное влияние выразилось не только в назначениях министров, в поругании России... Оно проникло глубоко в самую семью царя... Кроме писем царицы, о которых сказано выше, есть еще ряд свидетельств, не имеющих себе ничего подобного в семейной хронике других династий, даже в минувшие столетия.

Мать и дочерей своих, всех до одной, заразила своим нездоровым, безрассудным обожанием грязного «старца» Распутина.

Письма приводятся с соблюдением того правописания, какого придерживались русские царевны, из которых младшей тогда было восемь лет, а старшей двенадцать:

I

Дорогой мой друг что увидимся я видела тебя восне сиводни мы на этой недели ходем в Церковь я хажу утром, и вечером я молюсь затебя и за моих сестёр Я благодарю за отличное песмо моё очень нравица песмо. Я тебя очень крепко люблю тебя душка Господ очень добрый он всё дайт что я прошу он всё даёт мне я всё время прошу мама чтоб мама сказала бы когда ты придёш суда Татьяна целует тебя очень крепко. Я постараюсь быть пай перед исповедю я молюсь Богу чтобы была пай и слушала всех нян надеюсь что увидимся скоро.

Анастасия
1909 12/11
Царское Село
Четверг

II

Ц. С. 1909 г.
25-го марта

Мой дорогой и самый близкий и милый друг.

Я так жалею что тебя не видела так так давно, для меня это кажется целым веком. Я так молюсь Богу, чтобы он помог этой бедной няне, которая лежит теперь в больнице. Пожалуйста прости все мои грехи, которые я тебе сделала и попроси Бога чтобы он нас грешных простил и спас. Я всегда молюсь в Церкви чтобы Бог помог мне и что бы я ни на кого не сердилась и чтобы всегда всех слушала тогда всем будет хорошо. Наверное твоя жена и твои дети очень страдают без тебя. Пожалуйста возьми меня с собой в твою Сибирь. Мы недавно получили письмо от твоей милой Матренушки. Так бы хотелось ее видеть. Как мне скучно без тебя мой ненаглядный, дорогой и милый добрый ангел, как мне было скучно, когда ты был у себя дома я так тосковала по тебе. Какая Мери счастливая, что видела тебя вчера. Теперь София Ивановна Тютчева уехала в Москву потому что к нам приехать скорее. Как давно Мама и мы не были в Сибири я так стремилась туда скорее попасть. Теперь мама поправляется к нашему великому счастью. *Мы каждый день выдаем Аню.* Я ее так люблю она такая милая добрая хорошая и простая. Мы на этой неделе каждый конечно день ходим в Церковь. В Великом посту у нас только по пятницам и средам бывают Преждеосвященного литургии.

Пока досвиданья. Да хранит тебя Господь *мой ненаглядный друг.* Прошу у тебя своего благословения. Крепко, крепко целую и *обнимаю тебя и твою золотую ненаглядную руку.* Искренно преданный тебе твой верный друг.

Татьяна

Мери и все тебя целуют.

III

Царское Село

Мой дорогой и милый *душка*. Я так хочу поехать к тебе в дом в Петербург. Я каждое утро читаю главу в Евангелии. Я бы ужасно хотела бы поехать в Сибирь. Когда ты ещё приедешь *к Ане в дом*. Спроси маму что я хочу тебя видеть одна, и поговори о Боге. И хорошо было бы если бы я с тобой помолилась Богу. Я теперь каждую ночь сплю с твоим Евангелием и *кладу его на себя*. Как ты себе чувствуешь я знаю, что Бог такой добрый, что он услышит наши молитвы к нему и послушает нас грешных. Бог даст и увидимся скоро. Что ты будешь завтра делать. Я каждое утро молюсь Богу, и вечером тоже. Шура ужасно хочет тебя видеть скорей. Анастасия Тебе пишет тоже письмо. Скажи *Ане* что я её целую и может быть напишу письмо. Да хранит Тебя Бог. Крепко тебя целую.

Мария

Апреля 16, 1909 г.

В этих письмах удивительно переплетается полуинститутское, полуэкстатическое обожание молодых девических душ с теми неосознанными еще, но сильными «голосами» и зовами, которые более зрелых, искушенных жизнью женщин толкали на всякие безумства по одному слову и взгляду гипнотизера-хлыста, распутного «старца». И вот недавно еще один из депутатов, бывший «черносотенец», пустил в широкое обращение фотографии, на которых дочь царя сидит рядом с Распутиным за столом, уставленным бутылками вина. Так переродилось детское обожание к «богоданному» Грише...

Если бы Николаю своевременно попали на глаза эти «человеческие документы», начертанные нежными руками его собственных дочерей и запечатленные светом правдивого солнца, может быть, он перестал бы улыбаться, этот загадочный, молчаливый человек... И сам бы первый отдал приказ, подписал бумажку, гласящую, что «сим повелеваю Григория Новых, он же Распутин, предать смертной казни через повешение» или по крайней мере заточить навеки в каком-нибудь руднике Кары, Зерентуя...

И остались бы чистыми, не запятнанными в крови руки родичей русского царя, руки его свояка; не внесена была бы зараза растления в его семью...

А может быть, случилось бы иначе... Властная, изворотливая супруга, как это было и в других случаях, сумела бы убедить Николая, что эти письма — поддельные... Или что они имеют совсем не тот дурной смысл, какой бросается в глаза при первом чтении... И все пошло бы

по-старому... вплоть до дней февральских и мартовских счастливого 1917 года...

Скорее, что так... Судьба явно желала, чтобы эти дни стали роковыми для Николая...

И потому безмятежно длилась распутинская идиллия под сенью трона Романовых, и даже еще в декабре 1916 года «старец» получил от матери и дочерей, вкупе с преданной фрейлиной Аней, новое доказательство их преклонения перед чудесными свойствами Григория Новых.

Из Новгорода «царица-немка» привезла в подарок «старцу из хлыстов» иконку, писанную на дереве.

На оборотной стороне иконки чернильным карандашом сделаны были собственноручно подписи:

Александра

Ольга

Татьяна

Мария

Анастасия

Слева в углу — дата: *11 декабря 1916 г.*

В правом углу внизу, помельче, еще одно имя: *Анна.*

Эту икону нашли на груди у мертвого «старца», когда после переворота его труп был найден в недостроенной часовне, воздвигнутой Вырубовой и царицей над прахом незабвенного хлыста...

В настоящей книге нет возможности касаться общей деятельности Распутина на гибель царству и династии. Его влияние при назначении и смене министров, митрополитов, даже послов в иностранные земли, его тлетворное воздействие на семью царя с самим Николаем во главе, интриги и разлагающее начало, которое он внес в обширный круг лиц, толпившихся при русском дворе, — все это дает материал слишком обширный, требующий особой книги, в которой и будет обрисована целиком вся отталкивающая фигура Распутина, роковым, позорным пятном чернеющая у трона российских царей...

Важно для настоящей монографии отметить все главнейшие точки соприкосновения между самодержцем, императором всероссийским, и тюменским мужичком из уличенных конокрадов...

Одно такое сочетание понятий говорит много уму и душе... Когда такой повелитель России, как Николай, искренно желал, без всяких политических целей, приблизить к себе человека из народа, он не сумел выбрать никого, кроме клейменого плута, деревенского «колдуна» и совратителя баб, в чем «старцу» помогала особая способность, дарованная ему причудливой природой...

В этом выборе — почти весь сверженный царь: податливый наружно всем влияниям, какие могли пробиваться сквозь толщу дворцовой охраны; недоверчивый и хитрый... В глубине души Николай считал себя лучше, умнее всех... Любил слушать, когда ему внушали, что он чарует окружающих, что все близкие думают о его благе, о судьбе его сына, его династии...

И на этом особенно ловко играл Распутин, как и Протопопов, как все другие...

Вот еще голоса двух свидетелей, заслуживающих особенного доверия.

Человек, жену которого оскорбил грубый «старец»-распутник, человек, который решился ударом свинца очистить воздух царства, зараженный тлетворным дыханием чувственного «чудотворца»-хлыста, — Ф. Ф. Сумароков-Эльстон, князь по рождению, родственник Николая Романова по жене, человек сдержанный и светский, тем не менее вот что высказал в беседе, предназначенной для общего оглашения:

«Гришка Распутин — это был злой гений России! Он и остальные преступники, окружавшие чету Романовых — все эти Протопоповы, Воейковы, Щегловитовы, сидящие теперь в крепости, достойны самой тяжкой кары не менее, чем и тот, кто поддавался их влиянию...

Прикрываясь религиозной маской, они творили омерзительные дела и продавали врагам Россию.

Все великие князья открыто возмущались политикой Николая, но вся сила находилась в руках Александры Федоровны и ее продажных сторонников.

Бывшая царица, кроме своих женских ненормальностей, страдала манией величия, и этим пользовались предатели, окружавшие Романовых.

Она вообразила себя второю Екатериной Великой, думала, что от нее зависит переустройство России на западный, то есть немецкий, лад... А ее приближенные — Распутин, Вырубова, Протопопов и др. — разжигали в ней манию величия ради своих выгод и создали положение, выхода из которого почти не было.

Когда выяснилось тревожное положение в стране, Протопопов уверил обоих, мужа и жену Романовых, что он знает секрет “подавить революцию и сверху и снизу...”. Что справиться с бунтами легко... Он говорил о тысячах пулеметов, стоящих наготове... О десятках тысяч немецких маузеров, припрятанных для полиции в стенах арсенала...

Ему поверили и дали всю полноту власти... Воейков — просто старался награть побольше... Нилов — пил с царем...

Так и началась эта “придворная свистопляска”, которую оборвали выстрелы восставших полков и народа...

Огромную, если не первую, роль во всей этой “свистопляске” играл Распутин, о котором нельзя и вспомнить без чувства омерзения!

Его влияние на бывшего царя и царицу объясняют различно. На мой взгляд, это был хитрый мужик, обладавший силой гипноза и сознающий эту могучую силу, умеющий ловко ею пользоваться.

Я знал людей с очень сильной волей, но и те быстро поддавали при встречах под влияние Гришки...

Первое время я просто не верил, что какой-то Распутин может назначать и смещать министров, но скоро узнал эту горькую истину.

Все усилия лиц, не вмещавшихся в эту дворцовую “свистопляску”, старания их воздействовать на Николая разбивались о тяжелую атмосферу мистически-полового психоза, которым были пропитаны, охвачены вполне все главнейшие обитатели Александровского дворца.

За последний год Николай Александрович, казалось, окончательно потерял собственную волю, подпал под влияние жены и ее фаворитов, Распутина по преимуществу...

Но вот Распутина не стало... И наступила реакция еще более грубая, яркая... Разговоры об ответственном министерстве окончательно заглохли, а Протопопов со своими приспешниками начали свою подготавливательную работу против назревающего народного волнения...

Значительную роль при дворе играл друг Распутина, тибетский врачеватель Бадмаев. О нем при дворе ходило немало различных слухов как о поставщике “специальных”, бодрящих эликсиров для царя, и о врачевателе царицы и наследника...

Одно могу сказать с уверенностью: Николая Александровича действительно поили различными снадобьями, составленными тибетским светиллом. И этим за последнее время довели бывшего царя почти до полного слабоумия. Он потерял собственную волю. Во всех государственных делах его неоспоримой советницей явилась Александра Федоровна, которая вела его и Россию к пропасти, готовясь продать землю Вильгельму...

Бадмаев работал очень осторожно и не оставил почти никаких следов... А в общем — при дворе царил какой-то кошмар, где распутство сплеталось с проявлениями изуверского мистицизма, чуть ли не садизма...

И не вспыхни революция снизу — она бы вспыхнула сверху. К этому словно и вела Александра Федоровна при помощи другой немецкой пособницы — старшей великой княгини Марии Павловны...»

Вот в общих чертах то, что сообщил для обнародования человек, которому Россия обязана избавлением своим от Распутина...

А вот, наконец, и голос одного из политических деятелей нашей родины, одинаково чтимого за честность и ум в родной стране и далеко за ее пределами.

Бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов во время беседы с журналистом, явившимся для обычного интервью, свидетельствовал:

«Заниматься сейчас характеристикой личности бывшего императора мне не хочется — я вполне на стороне тех, кто придерживается известной поговорки, что “лежачих не бьют”, в особенности так, как это позволяют себе многие. Во всяком случае подражать примеру великих князей я не стану. Мои впечатления от общения с бывшим императором таковы: он человек без воли, временами совершенно апатичен ко всему совершающемуся, но его я не считаю главным виновником переворота. На мой взгляд, слишком содействовала этому Александра Федоровна. Она всегда мнила себя *призванной руководить* высшей государственной политикой, она всегда считала, что *Россия через ее содействие воспримет ту культуру, ту цивилизацию*, к которой Александра Федоровна так привыкла. Естественно, что такие стремления идут вразрез со столь *грязной дружбой* ее с Распутиным. Но должен оговориться, что Распутин имел на Александру Федоровну огромное влияние исключительно как человек, в чью *творческую мистическую силу* бывшая императрица очень верила. Александре Федоровне не раз доказывали, что Распутин — шарлатан, взяточник и авантюрист, но она отвергала это и утверждала, что в нем таится *сила провидца*. Вот отсюда-то и все то зло, которое было причинено нашей родине, и вот благодаря чему мы долго пребывали в страшном омуте.

Должен вам сказать, что последние полтора года пребывания моего в Совете министров для меня являлись сущей мукой.

Был момент, когда мы — восемь министров — написали государю письмо, подробно и с полной откровенностью указав ему на все происходящее вокруг. Среди подписавшихся были: Кривошеин, Барк, Самарин, Игнатъев, истинно государственный муж Харитонов, я и др. К взглядам, изложенным в нашем письме, присоединились также Поливанов и Григорович, но они не подписали его, так как их положение военных министров было, конечно, исключительное.

Это письмо также не возымело никакого влияния, и течение нашей политической жизни шло по тому же неопределенному руслу, как и раньше.

Мои противники по кабинету ставили мне палки в колеса самым наглым образом, отстаивая немецкие интересы.

И вы можете себе представить, какое у меня было самочувствие как у министра, призванного в такое время стоять у ответственного поста.

С огромным удовлетворением отмечу только, что с Протопоповым мне, слава Богу, не приходилось работать.

О своей отставке узнал я из письма государя, датированного 5-м июля и полученного мною в Раухе 7-го июля. Смысл письма

Николая II сводился к тому, что он вынужден принести меня в жертву тому течению большинства в Совете министров, в котором я оставался без поддержки. Мне приходилось сотрудничать среди них при диаметрально противоположных взглядах с моими; я опасался за судьбу родины и династии и не раз указывал на надвигающуюся опасность. Но со мной не соглашались».

«В беседе со мною С. Д. Сазонов многое *недоговаривает*, очевидно, щадя тех, кто низложен... и “повержен во прах”!..» — так заканчивает свое сообщение журналист.

Но ход событий и те подробности, какие вскрыты самыми разнообразными свидетелями, голоса, звучащие со всех сторон, тайны, увидавшие свет Божий при новом порядке вещей, — все это не просто *«договаривает»*, а криком кричит, четко выявляя, кто стоял во главе многомиллионного задавленного народа! Что творилось там, на верхах власти, скрываясь в тени трона, путаясь в складках царской горностаевой мантии...

Если в последние дни романовского засилья даже истинные бюрократы самодержавия, мало-мальски уважающие себя, не могли оставаться безучастными к деяниям шайки, составляющей «царский кабинет министров», то каково было народу?

И последней каплей, переполнившей чашу долготерпения народного, несомненно, явились Распутин и его ставленники, пригревшиеся под крылом у Алисы Гессенской...

Отношению «старца»-хлыста к ней или, вернее, взаимоотношениям между всероссийской императрицей и сибирским хитрым варнаком-конокрадом, ставшим вершителем судеб Русской земли, всему этому кошмарному, пугающему месиву грязи, мистики и садизма посвящена мною особая книга, выходящая вслед за настоящим томом под заглавием *«Распутин у трона»*.

Но и сейчас необходимо коснуться вопроса: каким образом этот «старец» мог проводить в министры лиц, ему угодных? И кого же сажал он на эти теплые места, пользуясь своей позорной, но большой и очевидной силой?

Аликс, как звал Николай свою жену, Анна Вырубова, Григорий Ефимыч Новых — вот та троица, Священное «Тримурти», которое вершило, как оказалось, судьбы русского царства, вертя, как куклу, последнего Николая, «милостию Божию» императора всея Руси.

Но и сами эти «божки» были игрушкой в других, более заурядных и совсем уже грязных руках, покрытых потом разврата, пылью золота, полученного за продажу родного народа и своей отчизны.

Если можно еще объяснить влечением крови, родственными чувствами явные попытки Алисы Гессенской работать на пользу врагов

России, тевтонов, то нет никакого оправдания и объяснения для ее пособников, русских по крови, но действовавших предательски, во вред истерзанной, замученной, истекающей кровью родине...

Связь между царским дворцом и предателями установлена была уже давно.

Стоит вспомнить хотя бы речь Мясоедова перед казнью...

Военно-полевой суд заседал всего около двух часов, Мясоедову были предъявлены обвинительные материалы. Данные, добытые следственной властью, носили настолько уличающий характер, что даже закоренелому преступнику не пришлось бы на ум оправдываться.

Надо отдать справедливость Мясоедову, он по пунктам подтверждал предъявленные ему обвинения; больше того: Мясоедов надменно и резко соглашался: «Да, виноват».

— Что же вы можете сказать в свое оправдание? — спросил его председательствующий.

— По существу ничего не могу ответить.

Затем, подняв глаза, обведя всех присутствующих взором, Мясоедов громким и внятным голосом заявил:

— В чем, собственно, вы меня обвиняете? Я состоял шпионом в пользу Германии. Организовал целые сети шпионажа, добывал всякие материалы военно-секретного характера в пользу Германии. И делал я это сознательно. Почему я это делал сознательно, для меня ясно, а для вас неясно. Я сознаю, что в ближайшее время Россия будет омрачена грозными призраками революции. Гидра революции уже проникла и в армию. Германия же — оплот монархизма. Я люблю своего царя и предан ему, и вот, опасаясь, что император Николай может лишиться трона, я стремился, чтобы Германия одержала победу, и, таким образом, могущественный монарх император Вильгельм сумеет оказать должную, необходимую поддержку императору Николаю. Революция, несомненно, будет подавлена. Я больше всего опасался победы России, ибо от победы зависела бы судьба ее монарха. Несомненно, в случае победы монархическая Россия превратилась бы в республику. Этому я не мог сочувствовать.

Закончив свою защитительную речь, Мясоедов заметил на лице судей улыбку.

— Ну и царские слуги, — проговорил Мясоедов и добавил, что ничем не имеет дополнить все им сказанное.

Приговор был вынесен. Через 24 часа приговор вошел в законную силу. Окончательная конфирмация приговора была предоставлена Николаю Николаевичу.

В пятом часу утра недалеко от Ставки, вернее, от места нахождения вагонов Николая Николаевича, выстроились воинские части. Здесь

были представители всех родов войск. Военские части образовали собою каре, внутри которого возвышался эшафот. Перед совершением казни воинским чином была разъяснена роль полковника Мясоедова, было указано на тяжесть его преступления.

В шестом часу утра привели Мясоедова. Когда палач подвел его к эшафоту, он замедлился. Блуждающие глаза Мясоедова остановились на палаче, и он заявил: «Не пойду дальше, хочу еще жить». Палач схватил его за руку и хотел накинуть на его шею веревку. Мясоедов, обладавший большой физической силой, оттолкнул палача. Последний упал, но затем, поднявшись, вступил в борьбу с Мясоедовым. Мясоедов упирался. Палач ничего не мог с ним сделать. На помощь ему был вызван один из рабочих железнодорожных мастерских. Мясоедова связали, втолкнули на эшафот.

Стиснув зубы, он дал возможность надеть петлю... Через несколько минут посиневший труп упал в сугробы снега. Военные врачи констатировали смерть... Был составлен соответствующий акт. Мясоедова завернули в брезент и положили на дроги. Труп был вывезен за город и предан земле. Военские части немедленно разошлись на работы...

И только через несколько дней население Барановичей узнало о казни Мясоедова.

В следующей главе мы увидим, читатель, как легко подписывал Николай Последний смертные приговоры.

Но мне думается: если бы приговор изменнику, изобличенному военному шпиону Мясоедову, попал на подпись не Николаю Николаевичу, а... Николаю Александровичу, полковник-предатель, бросивший на жертву врагам двести тысяч русских солдат в Восточной Пруссии, был бы помилован Романовым... И до сих пор проживал бы где-нибудь в тиши...

На это, конечно, рассчитывал и Мясоедов, так бесстыдно открывший карты своей «преданности царизму»...

Может быть, и Николай Николаевич знал, что Мясоедов говорит правду... Что недаром он был так близок к другому, еще более крупному предателю, Сухомлинову, состоявшему под особым покровительством русской императрицы.

Но... великий князь, даже не будучи особенным патриотом, даже понимая, что речи Мясоедова правильны, решил, пожалуй, что таких «преданных», но неловких пособников и «друзей династии» лучше устранить с пути, и подписал роковую бумагу.

Мясоедова не стало. Остался Сухомлинов. Потом явился Штюмер, поставивший вопрос о «сепаратном мире» на прочную почву... Народился типичнейший «последний защитник» последнего Романова, министр-пулеметчик А. Д. Протопопов...

Стоит проследить, как вырос и распустился махровым цветом этот паразит самодержавия на златной романовской ниве, и станет понятно многое, вплоть до того «чуда», каким в глазах целого мира явилась Великая бескровная русская революция.

И попутно станет ясно, насколько все эти Мясоедовы, Сухомлиновы, Штюмереры, Щегловитовы, Манасевичи-Мануйловы с их *патроном*, Григорием Распутиным, сходны друг с другом, несмотря на все различие происхождений, воспитания, даже расы... Все они готовы были подписаться под речами Мясоедова!

В письме великого князя Николая Михайловича определенно сказано: «С тех пор, как во всех слоях общества стало известно, кто влияет у Тебя на выбор министров, т.е. о вмешательстве Распутина и других, ему подобных, лиц, о вмешательстве Твоей жены во все важнейшие дела, — дольше так управлять Россией немислимо!»

И сам Распутин не скрывал своей силы и авторитета *у папани и у мамани*, как он называл царя и царицу даже в письмах и телеграммах.

Когда тот же Николай Михайлович заметил царю: «Знаешь ли, что Протопопова тебе подсунули немецкие агенты? У Бадмаева его познакомили с Распутиным, а тот провел этого хитреца в министры», — Николай двусмысленно ответил: «Знаю... я это слышал», не желая выразиться ясно: верит ли он сообщению брата или считает все досужим вымыслом «врагов» Распутина, «простого честного сибирского мужика», как отзывался о «старце» государь...

Немудрено, что этот «мужичок» во время спиритических сеансов, приходя в экстаз, решался прорицать о будущем премьере, восклицая:

— В сей ноци видение сонное мне было... Явился святитель Серафим Саровский, указуя на Лександра Митрича, и изрек: «Сей с усами белыми... с усами белыми спасет!.. Мудрый он, ой мудрый!..»

Эти выходки изувера-пройдохи влияли на душу и сознание Николая, в последнее время, если верить словам Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона, почти доведенного до полной прострации теми «тайными средствами», какие готовил для царя тибетский пройдоха Бадмаев.

Вот что сказал молодой князь сотруднику «Биржевых ведомостей»:

— Я отрицаю, что бывший царь злоупотреблял спиртными напитками, но его спаивали более сильной отравой. Мне лично пришлось слышать в одном из распутинских кружков о том, что приближенные делали специально сильный настой из тибетских трав и этим настоем спаивали Царя.

После этого царь впадал в меланхолию, чувствительность атрофировалась, он становился безразличным, был молчалив и таким образом лишался возможности реагировать на заявления и указания приближенных.

И в этот момент царедворцы-преступники пользовались слабостью бывшего царя для осуществления своих злых, подлых дел. Кто знал бывшего царя в течение последних нескольких лет, тот может сказать, что за последние годы он пережил большую эволюцию и стал буквально неузнаваем.

При этом нельзя отрицать, что роковую роль в жизни династии сыграла бывшая государыня, которая верила в чудеса Григория Распутина, и для него и его приближенных она жертвовала народным благом и народными интересами.

Как было сказано выше, Алиса Гессенская не считала, что она жертвует чем-либо, принося вред России. Немка по духу, не только по крови, она поступала вполне последовательно со своей точки зрения... И Протопопов, попавший в министры ее волей, пел в тон высокой покровительнице.

Сначала, как сообщают люди, близкие к царской семье, Николай относился холодно, недоверчиво к Протопопову, не имевшему связей в том кругу, откуда обычно брал себе министров царь...

Но постепенно, при помощи внушений Распутина и собственной ловкости, Протопопов занял положение настолько прочное, что перестал бояться кого-либо, включая и самого Николая.

Стоит вспомнить, как умел этот старый политикан втереться в доверие к своим сотоварищам по Государственной Думе, как он там, в среде деловых, мыслящих людей, сумел возвыситься до положения почетного и важного в качестве члена президиума...

И тогда станет понятнее, как мог этот политический шулер овладеть волей Николая.

Но едва пронира почувал, что стоит твердыми ногами, — маска спала с его лисьего лица.

Вот знаменитое свидание с агентом Вильгельма в Стокгольме... Вот подготовка к «усмирению революции снизу» после того, как он же сослал во все концы России виновников смерти друга-патрона своего, Григория Распутина...

Сотрудник одной газеты, некто Я. Я. Наумов, еще задолго до революции беседовал с всемогущим «премьером» о вопросах дня, и вот что говорил ему Протопопов:

— Распутин — это был здоровый мужицкий ум... приносивший немало пользы тем, кто с ним советовался, равно как мне и государю. Он был вполне бескорыстен (!!! — Л. Ж.). — После него осталось 3000 денег, домик в Тобольской губернии. Но окружали его мошенники, которые его эксплуатировали.

В этой тираде что ни слово, то ложь.

После Распутина осталось до миллиона наличными и большие участки земли... Если его окружали мошенники, то немудрено, что «здоровый мужицкий ум» старца допускал такую банду орудовать вокруг себя, — львиная доля барышей доставалась ему, «бескорыстному» царскому советнику.

Дальше, коснувшись общественных волнений, Протопопов еще наглее объявил:

— Я не склонен придавать серьезное значение будированию верхних слоев, вплоть до всех великих князей включительно. Представители этих кругов не такие люди, чтобы они могли что-нибудь сделать. Впрочем, некоторые меры уже приняты, а если понадобится, будет сделано то, что нужно.

— А оппозиция Государственного Совета?

— Это вещь несерьезная. Против нее ничего не стоит принять кое-какие средства: одним — пригрозить, другим — кинуть подачку, и оппозиция исчезнет. На то, что происходит сейчас в общественных кругах, я смотрю очень серьезно. И мною послано распоряжение московскому градоначальнику не допускать в Москве никаких собраний. В моем распоряжении имеются данные, свидетельствующие о симптомах приближающейся революции. Вот документ. Это резолюция участников военно-промышленного комитета под председательством Коновалова, в которой предлагается перейти от слов к делу. Очень вероятно, что близко время, когда начнется террор.

— Но как же намерены вы реагировать на это начало революции? Неужели вы не сделаете попыток хотя бы отдалить срок? Неужели не будут сделаны шаги в сторону сближения с Государственной Думой?

— Государственной Думою руководит Милюков. Я не настолько наивен, чтобы не понять, что думские пожелания «министерства доверия» скрывают за собой вымогательство ответственного министерства. Это прямой путь к повторению того, что было во Франции в 1789 году до *proces de la reine* включительно.

— Но ведь за Государственной Думою стоит все русское общество — общеземский союз, союз городов и т. д.

— Это не общественность, а лжеобщественность. Я сам старый земец и потому хорошо понимаю и вижу, какие элементы объединились в этих союзах. Разве эта лжеобщественность может претендовать на власть? Она хочет только помешать правительству (! — Л. Ж.) выиграть войну в то время, как до ее конца осталось только четыре месяца. Я знаю это, так как имею точные сведения о внутреннем положении Германии.

— Уверены ли вы, объявляя войну всей стране, что выйдете победителем?

— О, я не остановлюсь ни перед чем. Господа журналисты могут сравнивать меня с Плеве — я в первую же очередь начну высылать их целыми вагонами из столицы. Но я задушу революцию какой бы то ни было ценою! Я добродушен. Но я могу быть и свиреп и беспощаден!

Что эти слова не были просто угрозой, доказывает следующая «срочная телеграмма», которая была отправлен Протопоповым в Ставку на имя одного из наперсников царя, перед московскими съездами 8–9 декабря 1916 года:

«Царская Ставка, Свиты генералу Воейкову

По соглашению с председателем Совета министров было признано необходимым мне просить генерала Мрозовского не разрешать целого ряда съездов, назначенных в Москве на 8-е и 9-е декабря и имевших целью объединить политическое боевое настроение в некоторых слоях столицы путем оглашения на съездах заранее заготовленных резких резолюций.

Съезды не были разрешены, и протесты на их запрещение от земств и городов, заслушанные в Совете министров, были оставлены Советом без удовлетворения. Как последствия неподчинения съездов объявленному распоряжению Мрозовского явились неизбежное введение на собрания чинов полиции и недопущение самовольных сборищ, а отсюда буря лжеобщественного негодования. Сегодня в думе предполагается внесение по этому делу ряда запросов, оглашение возмутительных резолюций, которые могут волновать элементы, пропитанные смутой, и переброситься далеко за Таврический дворец.

Готовится дерзновенный натиск на священные прерогативы монархической власти, попирая основные законы. Ввиду изложенного я признал необходимым, чтобы сегодняшнее заседание Государственной Думы было закрытым для публики и печати.

...Я послал соответствующее требование Родзянко лично, но считаю своим долгом предусмотреть могущие произойти дальнейшие осложнения. Ввиду изложенного долгом совести почитаю просить вас доложить его величеству о том, что, в случае дальнейших осложнений, представляется необходимым высочайший указ о перерыве занятий Государственной Думы, полагал бы до 1 февраля.

Ввиду исключительной остроты минуты очень прошу не отказать доложить это дело в порядке спешности. На успех твердых и спокойных мер в эту минуту верноподданнически надеюсь и верую в помощь Божью.

Протопопов»

Конечно, Николай всегда готов был пойти навстречу мудрым политическим советам Протопопова, который в России решил разыграть герцога Альбу, чтобы оправдать свои слова о собственной непреклонности и жестокости...

Но налицо был еще один, более жгучий вопрос: со всех сторон шли донесения о готовящемся народном волнении.

Как теперь выяснилось из секретной переписки бывшего министра с бывшей царицей, Алисой Гессенской, эти волнения были вызваны умышленно старою властью.

Россия могла «заключить сепаратный мир с врагами, если бы в столице вспыхнул мятеж»... И эту «благовидную» причину для черной измены общему делу старался создать предатель-министр всеми мерами: подвоз припасов умышленно нарушался, мародерам дана была возможность грабить население...

Но все-таки надо было вести игру осторожно, чтобы не выдать себя и перед страной, и перед... тем же Николаем.

Хотя он и понимал, что Вильгельм, враг России, не является «врагом Романовых», как стояло в письме, переданном царю Васильчиковой, как твердили ему все окружающие, но все же заняться открыто провокацией было опасно.

Наконец, на очереди стоял и такой вопрос: ну, вспыхнет волнение... Начнем переговоры о мире с «нашими друзьями», с врагами России... Однако народ надо будет привести в покорность... Как это сделать?

И вот тут-то ставленник Распутина выявил себя во всю величину.

Когда стало известно, что все рабочее население Петрограда готовится к выступлению, что Государственная Дума решилась тоже резко поднять голос протеста, в Царском Селе было созвано особое совещание по этому жгучему вопросу.

Председательствовал сам государь.

В совещании участвовали князь Голицын, Воейков, Нилов, Протопопов и другие члены кабинета; приглашен был и Штюрмер.

На обсуждение был поставлен вопрос о необходимости дать некоторые уступки Государственной Думе. Большинство участников совещания признавало, что начавшееся движение может захватить войска, почему следовало бы в целях успокоения Государственной Думы согласиться на осуществление минимума тех свобод, которые возвещены манифестом 17 октября.

— Ну что ж, — сказал Николай, — это, пожалуй, возможно.

Таким образом, вопрос, казалось, был предрешен. Мало того, был уже заготовлен и соответствующий акт, в котором, однако, не говорилось об ответственном министерстве, но предлагалось назначение в состав кабинета видных общественных деятелей из состава Государственного Совета. Против этого, однако, восстал Протопопов:

— Ничего угрожающего в данном движении нет и быть не может, — заявил он. — Петроград мутят какие-нибудь двести — триста человек. Их необходимо уничтожить.

Протопопов настаивал на предоставлении в его распоряжение кредита в триста пятьдесят — четыреста тысяч рублей «для подавления революции в самом зародыше».

— У меня имеется верный план для борьбы с гидрой революции. Эта сумма необходима для того, чтобы петроградских городских можно было обучить стрельбе из пулеметов. Тогда правительство может вполне спокойно покончить с движением. Кучка людей, желающих перемены, будет просто расстреляна из пулеметов, и таким путем всякая опасность минует.

Николай, почти уже согласившийся на подтверждение конституции 1905 года, неожиданно переменял свое решение и тут же заявил:

— Если вы убеждены в этом, то выполните свою программу.

Протопопову были отпущены триста пятьдесят тысяч рублей из десятиmillionного фонда.

Всем полицейским от имени Протопопова особым секретным циркуляром было объявлено, что за каждый день обстрела с крыш «уличной сволочи», как выражался диктатор, будет выдаваться по семьдесят пять рублей. В случае, если они «продержатся» на крышах в течение недели, получают особое единовременное пособие в очень крупном размере, а семьям, в случае гибели городского, будет даваться пенсия в три с половиной тысячи рублей.

Высшим чинам полиции министры сулили золотые горы.

Наемные палачи, «фараоны» и охранники по мере сил старались добросовестно выполнить работу... Тысячи трупов пали от предательских пуль, от залпов, которыми поливали народ пулеметы, спрятанные на чердаках и на колокольнях церквей...

Но расчеты распутинского ставленника не оправдались: народ победил...

Теперь надо вернуться к вдохновителю министра-палача — к Распутину, который еще до переворота пал от пули заговорщиков из царской семьи, поддержанных, по слухам, и пресловутым В. Пуришкевичем...

Вот что говорил о смерти своего покровителя сам Протопопов в беседе с тем же журналистом Я. Я. Наумовым:

— Это было не простое убийство — это итальянская мафия, в которой участвовали озлобленные люди, превратившие убийство в пытку. Распутина живьем топили в реке. Его ранили — я не знаю подлинно, как происходило дело во дворце Юсупова, а затем связанного по рукам и ногам, бившегося, в автомобиле везли через весь город, чтобы бросить

в прорубь. Шарлотта Корде нанесла сразу свой удар — это было политическое убийство. Здесь же какое-то мрачное дело мщения, какая-то мафия в полном смысле слова...

Как мы уже знаем, великий князь Дмитрий Павлович и Ф. Ф. Сумароков-Эльстон, обвиняемые в этом деле, были высланы из столицы.

Третий участник, В. Пуришкевич, поспешил удалиться сам «за пределы досягаемости», уехал в армию, на фронт где его не смели тронуть даже агенты Протопопова, где были бессильны даже приказы Николая.

Царь ограничился тем, что постарался оказать всякое внимание останкам «стойкого старца», неумолимого хлыста, выразил полное сочувствие неутешному горю своей супруги, совершенно забывшей о том, что надо хотя бы соблюсти приличие перед взрослыми дочерьми.

Правда, Алиса пыталась мистическим образом оправдать свое отчаяние.

Она напоминала всем, что «духи» не раз при помощи различных медиумов вещали:

— Пока будет жив Григорий Ефимович, пока он вблизи царской семьи, династия обеспечена от всяких бед. А не станет его — и для царства, и для дома Романовых придут черные дни.

— Мы погибли теперь без Григория Ефимовича! — твердила истерически Алиса.

Хмурился и Николай. Он тоже не знал: верить ли спиритам и медиумам или не верить.

Царь слишком привык при жизни Григория Ефимыча делать самые важные шаги по указке этого пройдохи.

Доказательством могут служить, например, телеграммы, какие посылал в Царское Село Распутин из Сибири, когда уезжал туда на побывку домой.

Хотя эти документы приведены в книге бывшего инока Илиодора (Труфанова), заклятого врага Распутина, но слог телеграмм настолько близок к подлинному языку «старца», что внушает доверие к содержанию «рескриптов» чудодея-варнака, получившего право в своих писаниях величать «папой» и «мамой» императора и императрицу всероссийских.

«Миленькаи папа и мама! Вот бес то силу берет окаянный. А Дума ему служит; там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы Божьяго Помазаннека долой. И Гучков господин их прихвост, — клеветет, смуту делает. Папа. Дума твоя, что хошь, то и делай. Какеи там запросы о Григории. Это шалость бесовская. Прикажи: Не какех запросов не надо. Григорий».

Как известно, запросы были сняты с очереди и погребены. Самое имя Распутина тщательно вытравлялось Адабашем из думских отчетов. Существует только Г. Новых...

«Ошибки надо исправлять, и милость Божья будет. Граф Татищев из-за бунтовщиков был опечален. Теперь надо его ласкать. Дать ему место повыше. Я и сам преж на него, а не надо».

И Татищев оказался у власти.

«Забот много, а успеху нет. Думка кого послать в Сибирь. А он под рукою. Владыку Варнаву, друга и защитника. Его сюда надо. Он усердно старается. Григорий».

После этой телеграммы огородник Варнава попадал на кафедру славных тобольских святителей.

«Кого послать на Кавказ, покою вам нет. А вот дорогой епископ Тобольский, Алексей хоть куда. Ему и место на Кавказе. Пошлите его. Это я очень желаю. Он меня ласкает. Понимает подвиг. Честь ему нужно оказать. Верный везде верный. А на Кавказе он будет нашим другом».

Немедленно Алексей был назначен в Грузию экзархом.

«Много шуму, много спору, а все одна суета. Кого послать на Москву. Антоней не надо, он лукав. Да молод. Зависть пойдет и злоба. А бесам того и надо. Вот кого: подвижника алтайского Макария, мово друга. Божий старец. Его надо. Да. Григорий».

На удивление миру, единственный архиерей, не имевший высшего духовного образования, дряхлый Макарий воссел на митрополию, где некогда сиял Филарет.

«Папа мои мияеньки и мама! О как многое множество жалоб на Макария. А что бесам надо. Все на наших друзей идут. А вы не строго поступайте. Надо его ласкать, он сделал много, на него клеветит жиды. Защита ему нужна. Видел его. Жалко».

И Макарий крепко сидел на своей кафедре.

«Вот Илиодорешка-то маленько испортился. Не слушается. Погодите ему митру. Пусть так будет, а там видно. Он ничего, да Гермогена слушает. Епископ Феофан послушался и запутался».

После этого Илиодор изгнан из Царицына, а Гермоген из Саратова.

«Миленькие папа и мама! Бунтовщика Бог с неба свалил. И Илиодора нужно в темницу. Пускай там подумает, как идти против Божьяго помазаннека. Прежде убивали, а теперь хорошо проучить темницею. Никакой ему ласки приказать Владимирскому епископу. Григорий».

И к владимирскому Николаю (Налимову) под начало попал Илиодор.

«Шума то сколько; вода утечет и нет. А вы пошто смущаетесь. Это все тает. Полают, да отстанут. Цари выше всего. Так и будьте.

Утешенье от Бога, а от беса горе. А Бог бесов сильнее. Саблер и Даманский все сделают. Да! Григорий».

Сейчас же у Саблера и Даманского оказались ключи церкви.

Распутину послали на предварительный просмотр даже манифесты накануне их опубликования. Увидав один из них у Гришки, Илиодор спросил:

— Каким образом манифест попал к тебе?

Распутин ответил:

— Да это мама прислала мне проверить, хорошо ли написан или нет; прислали одобрить, и я одобрил; тогда они его обнародовали. Вообще они всегда обращаются в таких случаях ко мне за советом.

Распутин под пьяную руку не стеснялся сообщать, как он проводит время в «царских дворцах».

— Когда бываю у царей, я целые дни провожу в спальне у царицы... Целую ее, она ко мне прижимается, кладет на плечи мне голову, я ее ношу по спальне на руках, как малое дитя. Это ей нравится. Так я делаю часто, часто. Так же часто бываю в спальнях детей. Благословляю их на сон, учу молиться, пою с ними гимн... Однажды запели, девочки хорошо пели, а Алешка не умел да брал-брал не в тон, да как заорет на все комнаты, аж царица прибежала и его упокоила. С детьми я часто шучу. Было раз так. Девочки сели мне на спину верхом; Алексей забрался на шею мне, я начал возить их по детской комнате. Долго возил, а они смеялись. Потом слезли, а наследник и говорит: «Ты прости нас, Григорий, мы знаем, что — священный и так на тебе ездить нельзя. Но это мы шутили».

Николай оставался верен своему оракулу и по его смерти...

Вот как очевидцы описывают жуткий, таинственный миг, когда в землю было опущено застывшее скорченное тело «старца», добытое из-под льда.

Автомобиль, на котором везли тело Распутина, остановился в Царском Селе, у лазарета имени А. А. Вырубовой, под № 79. За этим автомобилем следовал другой. Когда моторы остановились у лазарета, в окнах здания замелькали огоньки и на улицу выскочил солдат, по минутно озирающийся во все стороны.

— Не сюда, везите на постройку... — прошептал он и тотчас же скрылся за дверьми.

Этот солдат, старший унтер-офицер одного из квартирующих в Царском полков, до сих пор не может без содрогания вспомнить позорную ночь. Всем стоявшим в эту ночь в Царском Селе на карауле был отдан строжайший приказ молчать обо всем виденном и слышанном и не рассказывать ничего даже своим женам. Вообще лицам, имевшим

какое бы то ни было соприкосновение с Распутиным после его смерти, был внушен такой страх, что почти ни от кого ни в первые дни после убийства, ни позднее ничего нельзя было узнать. До самых последних дней люди, причастные к этому делу, хранили свою тайну, и только революция дала возможность прочесть эту темную страницу двора Романовых.

Процессия прибыла в Александровский парк к месту, где была приготовлена могила, в 3 часа 15 минут ночи. Могилу рыли солдаты воздушной обороны Царского Села под командой полковника Мальцева, по словам которого «яма» предназначалась для свалки мусора. Принятые предосторожности и тайна, которой обставлялась вся эта работа, навели солдат на мысль, что это не яма для мусора, а могила для Распутина, об убийстве которого в Царском Селе было уже известно. Один молоденький солдатик даже просил Мальцева: «А почему, ваше высокоблагородие, она мелкая и уж очень на могилу походит?» Последовал грозный окрик: «Держи язык за зубами, не твоего дурацкого ума это дело».

За три часа до приезда похоронной процессии, в двенадцать часов ночи, духовник Николая и Александры Романовых отец Александр (Васильев) позвонил ктитору Федоровского собора полковнику Ломану по телефону и предупредил, что он рано утром заедет в собор за облачением и кадилом. Ломан, знавший о том, что в парке копается «яма», догадался, что предстоят похороны, тем более что и отец Александр не скрывал от него, сказав ему: «Я буду служить панихиду по приказанию государыни»...

Сопровождавшие процессию четверо полицейских, шофер и Лапшинская торопливо сняли гроб с автомобиля и молча опустили его на веревках в могилу.

— В полчаса девятого назначено, — прошептал Лапшинской на ухо полковник и направился к убежищу, поставить у могилы часового. Могила осталась открытой.

Все это было сделано тихо и быстро.

В 8 часов 30 минут утра к могиле подошел пропущенный дежурными сыщиками отец Александр, а через десять минут со стороны дворца подошла с обеими своими сестрами Вырубова. Секретарша Распутина Лапшинская прибыла к могиле раньше всех.

В 8 часов 45 минут утра быстрыми, неровными шагами подошел к месту погребения Николай Романов в сопровождении жены Алисы и дочерей, Татьяны и Ольги. Алексея как на погребении, так и на всех последующих панихидах никто не видал. Николай с семьей прибыл к месту без конвоя, даже без провожатых.

Панихида длилась не более пятнадцати минут. Николай с женой и обеими дочерьми поклонился праху Распутина, и скоро они ушли.

В это утро по приказанию Мальцева охрана с могилы была снята, так как были получены сведения, что событие прошедшей ночи ничьего внимания не привлекло. Сняты были также и сыщики, бессмысленно в течение двенадцати часов дежурившие около Серафимовского убежища и новой постройки. На другой же день охрана могилы была поручена сторожу новой постройки. Но как жестоко пришлось разочароваться полковнику Мальцеву, поверившему в секретность погребения.

Утром 22 декабря сторож, подойдя к могиле, увидел, кто-то на ней совершил непристойность. Немедленно узнали об этом и Алиса, и Вырубова, и Лапшинская. Гневу их не было конца. Но виновника найти было трудно. Со следующей ночи на могилу уже был поставлен часовой из Сводного полка. С 22 декабря и до последних дней Алиса Гессенская часто посещала могилу, почти всегда одна.

27 декабря, на девятый день смерти Распутина, на его могиле была отслужена панихида.

21 января на могиле была опять отслужена панихида, на панихиде были: Штюрмер, митрополит Питирим, все Вырубовы, Протопопов, все Головины, Александра Федоровна с Татьяной и Ольгой и многие другие сановники двора.

Так шло дело до 2 марта, когда с Николая упала его корона... а тело «старца»-чудодеея было вырыто из могилы и сожжено затем на «распутье двух дорог», как триста лет назад сожжено было тело другого загадочного искателя приключений, тоже Григория, названного Отрепьевым, но величавшего себя царем Димитрием всея Руси...

Гроб с останками хлыста-чудотворца на автомобиле был доставлен к деревне Гражданка, между Лесным и Пискаревкой, и здесь тело сожжено... вместе с гробом, металл которого расплавился в пламени костра... Николай, уже сидя под караулом в Александровском дворце, прочел о сожжении своего бывшего оракула и на мгновение задумался...

Его лицо, неподвижное, с застывшей улыбкой на губах, побледнело и стало совсем старым, растерянным и жалким...

Он понял в этот миг, какую роковую роль в падении дома Романовых сыграл убитый «старец» из хлыстов...

